

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА ТЕАТРА

Вчера открылась очередная неделя «Театр — детям и юношества», седьмая всероссийская и первая всесоюзная, — в нынешнем году она впервые будет проводиться по всей стране.

Начинание, родившееся семь лет назад, призвано объединить усилия театров, педагогов и родителей в важном и благородном деле эстетического и нравственного воспитания подрастающего поколения. «Неделя» — это время подведения итогов, обмена опытом, творческих отчетов, но прежде всего — подлинный празд-

ник для детей. За этим праздником долгие и нелегкие будни, полные нерешенных проблем и трудных задач, решать которые предстоит театру в союзе со всеми теми, кто призван в нашей стране заниматься воспитанием ее будущих граждан.

Сегодня своими размышлениями об эстетическом воспитании подрастающего поколения средствами искусства делится главный режиссер Ленинградского тюза имени А. А. Брянцева заслуженный деятель искусств РСФСР **З. КОРОГОДСКИЙ**.

Всему лучшему в нас мы обязаны детству. «Откуда я родом? Я родом из детства», — писал Экзюпер. Да. Из самого раннего, молочного дошкольного детства, когда каждый день проживается с интенсивностью года, с доверчивостью и жадностью, которая уже никогда не повторится, которую не сравнить даже с первыми годами школьных лет. Вспоминаются слова Л. Н. Толстого, написанные им почти в конце жизни: «Разве я не жил тогда, эти первые годы, когда учился смотреть, слушать, понимать, говорить, спать, сосал грудь и целовал грудь, и смеялся и радовал свою мать? Я жил и блаженно жил. Разве не тогда я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобрел так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и сотой доли того? От пятилетнего ребенка до меня только шаг. А от новорожденного до пятилетнего страшное расстояние». Наверное, от того, чем было наполнено это «расстояние», во многом зависит, и каким будет человек в отрочестве, юности, зрелости.

Читая переводы с детского Агнии Барто, поражаешься не только дарованиям юных авторов, тому, как они начинают видеть окружающий его мир, но и взрослым, наставникам, кто стоит за стихами, кто внушил им такой образ мысли и чувств.

Еще с первых шагов в ребенке начинают проявляться чувство сострадания, чуткость, формируются навыки трудолюбия, организованности. Всею, что свойственно человеку — доброму и худому, ребенок учится на примере взрослых.

Вряд ли найдется родитель, который бы сознательно учил дурному своих детей. Все учат хорошему. Сейчас многие взрослые в семье и в школе охвачены наставничеством «зудом». Очень мы встревожены неблагополучием: «переходный возраст», «у опасной черты». И радио, и пресса, и телевидение не устает убеждать нас в этом. Нервозность и страх воспитателей замечают воспитуемые и используют ситуацию. Эффект бумеранга. Конечно, необходимо поднимать уровень ответственности наставников, но паника не снимает, а усугубляет тревожность положения.

Парадоксально, но факт: современные акселераты по сравнению со своими предшественниками значительно позже взрослеют социально и граждански. До 20 лет — еще ребенок, до 30 — еще юноша, до сорока — молодой актер, писатель, художник. Как долго мы их опекаем, боясь доверить «взрослые роли»? Оберегать детство это не значит опекать его. Инфантильность поколения — результат робости, косности не только семьи, но и общественных институтов. Мы подчас не доверяем юным, так как считаем их еще неполноценными людьми, не готовыми к «настоящей» жизни.

А какая она, настоящая жизнь? Когда она наступает? Что значит быть готовым к ней? Полноценность и зрелость проявляются не в биологическом созревании, не в физическом росте и возмужа-

нии, а в мужестве, которое часто обнаруживают скромные и застенчивые люди, и отнюдь не атлеты. Полноценность не в мышцах, а в опыте чувств, высоте гражданских переживаний. Социализация личности — это пробуждение ответственности за общество, его судьбу. Но в глухом сердце и жестокой душе не пробудить тревоги за мир и Отечество — «Кто боли и горя не знает, тот не любит Отчизны своей». Гражданское чувство — это чувство гордости и ответственности за страну, оно не может замкнуться на собственных волнениях и переживаниях. «Воспитание сердца», о чем говорил Сухомлинский, и есть воспитание гражданина, которое начинается с самого раннего детства.

Мне думается, что яне ошибусь, сказав, что дошкольная пора наших детей больше, чем школьная, насыщена добрыми впечатлениями, обеспечена вниманием взрослых, и не последнее место занимает эстетическое воспитание — от колыбельной песни матери, детских игрушек, книг до первых радостных встреч с театром кукол, телепрограммами, адресованными малышам. Секрет расположения взрослых к самым маленьким таится в том, что дети открыты в своей благодарности, искренности в проявлениях чувств, с ними радостно общаться.

С подростком все сложнее и труднее — для него авторитетом становится более сильный сверстник. Нужны усилия, но не сила, чтобы сохранить с ним добрые отношения, завоевать его доверие. А это не просто! Часто мы впадаем в крайности: либо считаем подростков маленькими — и опекаем, нежим, стремимся сохранить для самих себя дорогое «молочное детство»; либо применяем власть. И то, и другое от предрассудочного суждения о детях, от неуважения, незнания их. Так и возникают угодничество или высокомерие взрослых — чувства неестественные, продиктованные отнюдь не сердцем. А дети, особенно в отрочестве, страдают от всякой ненатуральности, фальши, остро переживают дефицит взаимно уважительного общения со взрослыми. Ребенок никогда не считает себя «маленьким», ведь он живет не в какой-то выдуманной нами «детской жизни», а в реальности, которую мы ему открываем или не открываем, и тогда она вторгается, и нет таких заборов, которые могли бы оградить от нее. Да и нужно ли? Когда маленький человек для нас уже Человек, многие сложности в общении с ним исчезают.

Отрочество — трудная пора биографии человека, и она должна быть наполнена добрыми, высокими впечатлениями. Искусство и театр могут сделать многое. Особенно театр как самое душевное, от сердца к сердцу идущее общение с возвышенным.

Если считать дошкольное воспитание начальным звеном системы эстетического образования и, как мне кажется, сравнительно благополучным, а школьное воспитание — все десять лет — средним звеном, то именно

тюзы могут стать ведущей силой, своеобразной «эстетической десятилеткой». (Очень важно, чтобы эта система была единой и цельной). Однако сохранить неразрывность всех звеньев цепи оказывается очень непросто. На границе подросткового возраста, в 11—12 лет, когда ребенку мучительно трудно обрести себя в новом «измерении» — «я не маленький», — а нам принять это и помочь ему, возникает обрыв, выпадает звено, и подросток оказывается обделенным духовными впечатлениями.

Очень уж загадочный возраст — отрочество. Так нелегко угадать, понять, почувствовать, в чем нуждается подросток, младший и постарше, в 13—15 лет. А взрослые, защищаясь от этой трудности, исходят из своих соображений о том, что им «можно» и «нужно». Понять это мы можем только памятью своего детства.

Думаю, что назначение детского театра прежде всего в обогащении чувства маленького человека впечатлениями — в этом суть воспитания театром. «Особое назначение» тюзов не только в том, что они адресуются к юным, а и в том, чтобы помочь взрослым — родителям и учителям — оставить в детской памяти больше ярких, светлых воспоминаний.

В повести Даниила Гранина «Обратный билет» тонко и трепетно звучит память собственного детства, которому писатель благодарен именно за впечатления, обогатившие всю его жизнь.

Возвращаясь к своему детству, я тоже вспоминаю игры, книги, песни, школьную самостоятельность, фильмы (далеко не всегда детские!) и, конечно, мой Новосибирский тюз. Он был (возможно, это особенность всякой памяти хранить доброе) прекрасным. С благодарностью вспоминаю спектакли, актеров (о режиссерах вспоминать трудно) — дорогие картины театральные впечатления. Они живут во мне до сих пор. Волшебная лампа театра освещала многое в моей жизни — там продолжались детские игры, там я учился жизни. Понимаю, почему с такой благодарностью вспоминают родители наших зрителей А. А. Брянцева и тюз на Моховой — здесь они учились любить и ненавидеть, играть и фантазировать, а опыт игры и фантазирования — одно из слагаемых познания и утверждения в жизни.

Юный человек, вовлеченный в творчество, играя вместе с театром, становится талантливей, человечнее, накапливает опыт добрых чувств и содержательных впечатлений.

Возвращение в детство, память детства защищают нас и нередко становятся точкой отсчета в поступках наших.

Искусство — музыка, живопись, театр, взрослый или детский, — способно духовно обогатить юного человека, воспитать в нем доброту, закаленную мужеством гражданской зрелости. Не в этом ли наш долг?

З. КОРОГОДСКИЙ,

главный режиссер
Ленинградского театра
юных зрителей имени
А. А. Брянцева.